флота Игоря Головнина, служившего на Камчатской флотилии. Так замкнулась цепь времен.

Весной 1991 года Такада Касити встречал нас в Хакодате. На одной из городских площадей стоит величественный памятник. На десятиметровом гранитном постаменте – пятиметровая бронзовая фигура человека со свитком карт в руке. Это – Такадая Кахэй, торговец и мореплаватель. Его жизнь и деяния стали на Хоккайдо легендой.

КАМЧАТСКАЯ НЕГОЦИЯ ПИТЕРА ДОБЕЛЛА

Если вдруг возникнет нужда соорудить в Петропавловске памятник первому иностранному купцу, то придется непременно вспомнить о Добелле.

Сегодня это имя ни о чем не говорит нашему читателю. Между тем в свое время Добелла знали император России Александр I и испанский король Фердинанд VII, в его судьбе принимали живейшее участие великий русский мореплаватель И. Ф. Крузенштерн и известный ученый Г. И. Лангсдорф, статс-секретарь К. В. Нессельроде, министр иностранных дел России И. А. Каподистрия и сибирские генерал-губернаторы И. Б. Пестель и М. М. Сперанский, наконец, П. И. Рикорд, начальник Камчатки.

Так кто же он, Добелл? Начнем с эпизода, который стал решающим в судьбе этого удивительного человека.

...Восьмого ноября 1805 года, выдержав жесточайший тайфун у берегов Формозы (Тайваня), шлюп «Надежда» прибыл в Макао. Начавшееся более двух лет назад первое кругосветное плавание россиян под командованием Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского уже миновало свой зенит. Еще свежи были в памяти моряков унылый, но гостеприимный Петропавловск, угрюмые берега Сахалина и волшебный город Нагасаки, а ночами уже грезились гранитные кронверки непостижимо далекого Кронштадта.

Потрепанный шлюп обтекали мутные воды реки Сицзян. Стук плотницких топоров на палубе перемежался воплями торговцев с облепивших шлюп джонок. Крузенштерн ждал подхода «Невы»: Лисянский запаздывал.

В один из дней на палубу «Надежды» поднялся невысокий толстяк в европейском платье. Он решительно потребовал капитана.

– Кто вы? – нахмурился Крузенштерн: назойливость местных шипшандлеров стала раздражать его.

– Питер Добелл, комиссионер, – представился незнакомец.

Так состоялась встреча, положившая начало многолетней дружбе выходца из Ирландии, гражданина Североамериканских Соединенных штатов Питера Добелла с достославным моряком России Иваном Крузенштерном.

Неплохо знавший Китай, Сиам, Филиппины, Добелл поведал немало любопытного о здешних нравах и обычаях. Многое, о чем говорил этот суетливый, экзальтированный негоциант, совпадало с сокровенными мыслями Крузенштерна. Кругосветные плавания к российским колониям в Америке, снабжение Камчатки, Охотска, Гижиги – все это нуждалось в промежуточном стационаре, южном депо, как выразился американец. Макао или Манила могли стать воротами, через которые в Камчатку и Русскую Америку поступали бы необходимые товары и продовольствие.

– Лучше Манила, – подчеркнул Добелл. – Но ключи от Филиппин у испанцев. И от Калифорнии, куда вы стремитесь, – тоже. Испанская корона станет помехой России на Тихом океане.

Добелл предложил посредничество в снабжении русских шлюпов.

– Это обойдется вам дешевле, чем у китайцев, англичан или испанцев. Они обгложут ваши шлюпы до последнего шпангоута. Я буду счастлив доказать мою преданность России. Но умоляю вас, замолвите обо мне слово в Петербурге. Обещайте мне.

Крузенштерн обещание выполнил. За помощь, оказанную русским шлюпам в Китае, Добелл удостоился награды, пожалованной Александром I. Россия первая оценит неизвестного доселе коммерсанта. Этого он никогда не забудет.

...В конце сентября 1812 года казачий пост на Сигнальной горе заметил два парусника, зашедшие в бухту. В городе, недавно ставшем столицей Камчатки, всполошились. Подумали, возвращаются «Диана» и «Зотик», ходившие к Кунаширу на выручку плененного японцами капитана Головнина. Горожане высыпали на косу у Петропавловской гавани.